

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

О БОНАПАРТЕ... БЕЗ МУНДИРА

Гастроли Куйбышевского академического театра драмы имени М. Горького

...Движутся, движутся, наступая на маленького, уже почти раздавленного человечка, белые столбы-ширмы с ампирными орнаментами. Мечется в ужасе человек. В пролетах чащобы белых щитов — страшные видения. Картины утерянного счастья. Утраченных иллюзий. Призраки несбыточных надежд.

Беспомощна, ничтожна личность перед натиском грозных сил истории. Такая мысль формируется, когда смотришь предэпилоговую сцену спектакля «Наполеон Первый» Куйбышевского театра. Безрезульятатны стремления, если они ограничены рамками мирка подслеповатого обывателя, лишенного масштабного социального и философского зрения. Даже если человек наделен талантом, энергией, он ничтожен, коли не понимает, куда и как движется колесо истории.

Порочность «великих мира сего», рвущихся к власти, готовых ради своего необузданного властолюбия затормозить действие законоов общественного развития, — такова, в сущности, доминирующая идея выдающие-

гося австрийского драматурга, антифашиста и гуманиста Фердинанда Брукнера. К его произведениям дважды обращаются наши гости. Это — «Елизавета Английская», знакомая рижанам по спектаклю Художественного академического театра имени Я. Райниса с блистательной Вией Артмане в главной роли, и «Наполеон Первый».

Пьесы Брукнера весьма сценичны, богаты острыми и глубокими психологическими характеристиками, мастерски выстроенным, искрометными диалогами. Драмы Брукнера всегда гуманны и всегда активно обличают тиранию, абсолютизм, фашизм. И обращение Куйбышевского театра к этой сложной, но и очень благодарной литературе, свидетельствует о зрелости и мастерстве творческого коллектива, готового решать значительные социально-этические задачи.

Нельзя не подчеркнуть отменный профессионализм, изящную ансамблевость, присущие нашим гостям. Спектакль, поставленный главным режиссером театра, народным артистом СССР

П. Монастырским, силен, прежде всего, высоким уровнем художественного мастерства артистов. И первое слово тут, конечно, надо сказать о работе О. Свиридова, создавшего центральный образ. Его Наполеон и великан, и жалок, и высокомерен, и беспомощен, он и тиран, и жертва собственного властолюбия.

Артист играет с увлеченностю, которая передается зрителям, завораживает их, превращает в соучастников страстных обличий театра. Вполне достойно партнеструет с таким Наполеоном маршал Бертье (С. Пономарев), олицетворяющий страдания от бессилия своего кумира; дальновидный и коварный Талейран (М. Лазарев).

Несколько слабее в профессиональном отношении выглядят в спектакле женские роли. Уж слишком монотонна в исполнении актрисы Ю. Вуккерт Жозефина. Лишь одну черточку характера Марии-Луизы воплощает Е. Лазарева, а именно — беспечность. Ее императрица-капризница обитательница мелковата. А ведь именно она, оказавшись связую-

щим звеном между французами и австрийцами, знаменовала собой трагический перелом в судьбе Наполеона, в судьбе Франции...

В целом спектакль производит впечатление яркого и зрелого художественного произведения. Но вот — тезис для раздумья.

Брукнер не случайно заявил жанр своего «Наполеона»: комедия. Она, конечно, не в нескольких «сочиненных» словечках, содержащихся в тексте. Она — в трактовке самого образа «непобедимого Бонапарта», грозы и владыки мира, которого драматург спускает с котурнов, показывает, так сказать, без мундира, вне звона литавр и восторженных реляций. Писатель как бы препарирует душу своего героя, видя все его слабости. И в пору процветания, и, особенно, в пору упадка Наполеона Брукнер фокусирует наше внимание на бытовых подробностях, на физической и духовной немощи «великого» завоевателя мира. Улыбаясь и, тем не менее, разоблачая человеческие несовершенства, драматург утверждает мысль о

тленности, ущербности, обреченности величия, которое зиждется не на социальной основе, а, так сказать, «на песке». Этакий зарвавшийся авантюрист, попытавшийся покорить мир, но проигравший даже в собственной семье...

Спорной представляется жанровая окраска спектакля, с его отказом от комедийности, от стремительного динамизма сценического действия, от попыток импровизационно расковать труппу.

Итак, театр представил нам не комедию увязшего в пороках мелкого человека, вскарабкавшегося на пик славы и выброшенного за ненадобностью за борт исторического корабля. Театр играет трагедию попранного самолюбия, низвергнутого владыки. Что ж, может быть, допустимо и такое решение задачи, поставленной драматургом и делающей его пьесу особенно актуальной сегодня. Ибо горький опыт Наполеона, поправшего лозунги революции, которая вывела его на орбиту славы, узурпированного властью, охмелеющего от вседозволенности и себялюбия, а в итоге потерпевшего полное крушение, — это напоминает, к чему неизбежно ведут попытки честолюбцев всех эпох повернуть вспять колесницу истории.

О. МАКАРОВА.